

довцев живут в сельской местности (от 70,0% до 90,0%). В Свердловской области и Челябинской области — это самый урбанизированный этнос после представителей еврейской национальности (85,0%). Видимо этот фактор очень сильно повлиял и на ассимиляцию мордовцев в Свердловской области. К 1959 году 45,6% мордовцев считали русский родным языком. В то же время марийцы — представители той же языковой группы, что и мордовцы — в подавляющем большинстве говорили на своем языке.

Признание русского языка родным далеко не всегда является признаком этнической ассимиляции. Прежде всего, это относится к лицам еврейской национальности. В целом за эти двадцать лет увеличился удельный вес представителей различных национальностей, считающих родным русский язык. Особое положение с языком наблюдалось у башкир. Башкиры, находясь в близком соседстве с татарами, испытывали сильное влияние их культуры. В результате в 1939 году 26,0% башкир называли родным татарский язык, в то время как русский — лишь 2,0%.

А. В. Зайцева

ПРОБЛЕМА РУССКО-СКАНДИНАВСКОГО КУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА

Основы русско-скандинавских отношений были заложены еще в варяжскую эпоху, где шло взаимовлияние культур и традиций. Считаем, понятие «влияние» уместно заменить словом «диалог», ибо в широкой исторической перспективе взаимодействие культур всегда диалогично.

Традиционно в историографии русско-скандинавские отношения раннего средневековья рассматривались как односторонний процесс воздействия скандинавов на социально-политическое и культурное развитие народов Восточной Европы, но сравнительно недавно был поставлен вопрос о двустороннем взаимодействии Скандинавии и Древней Руси. Сейчас на смену ограниченной двусторонними русско-скандинавскими отношениями выступает более реалистичная картина многосторонних экономических, социально-политических и культурных связей стран расположенных по берегам Балтийского моря.

Традиционное Представление о ведущей роли скандинавов в христианизации Руси, сохранявшееся вплоть до середины нашего века, было одной из составных частей интерпретации ее ранней истории. Представление это не вызывало особых разногласий в связи с тем, что почти все первые упоминания тем или иным образом, связаны с выходцами из скандинавских стран. В последнее время в зарубежной историографии поставлен вопрос о проникновении христианства в Скандинавию как до так и в первые века после официального принятия христианства на Руси.

В 1979 году в г. Упсале состоялся международный симпозиум, посвященный византийско-русско-скандинавским связям, на котором важное место заняло обсуждение вопросов о древнерусских и византийских влияниях на церковное и светское искусство Скандинавии X-XIII века. М.Блиндхейм (Норвегия) подробно остановился на древнейших (с начала XI века) памятниках, обнаруживающих эти влияния. К их числу он отнес серию энколпионов найденных на Готлан-

де и в Норвегии, изготовленных по византийским образцам. Ряд шведских и датских ученых обратили внимание на отчетливые следы византийско-русских влияний на фресковую роспись некоторых церквей на острове Готланд. В композиции, цветовом решении, технике росписи усмотрено настолько много общего с восточно-европейской традицией и есть предположение, что эти церкви расписаны новгородскими мастерами.

Пересмотру подверглась проблема проникновения Христианства и крещения Руси в трудах последних десятилетий в российской историографии. Подавляющее большинство авторов отмечают, быструю славянизацию скандинавов и почти полное отсутствие скандинавского влияния на культуру восточных славян. В то же время некоторые отечественные исследователи отмечают, что сейчас очевидно восточно-европейское влияние, не только древнерусское, но и кочевническое, проникавшее на север через Русь, – охватило важнейшие сферы жизни скандинавов. Норманны, служившие в дружинах древнерусских князей; усваивали и материальные и духовные элементы этой культуры и привозили их себе в Скандинавию.

В приведенных исследованиях речь больше идет не о русско-скандинавском, или скандинавско-русском влиянии, а о византийско-русско-скандинавском диалоге. Пролема, таким образом, много сложнее и перспективнее в исследовательском отношении.

Д. В. Силантьев

ИСТОРИЯ КАФЕДРЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ СГПИ (1930-1950 ГГ.)

По приказу Наркомпроса М369 от 26 августа 1930 г. был открыт Свердловский Государственный Индустриально-Педагогический Институт, со временем переросший в Уральский Педагогический Университет. В его состав входил историко-экономический факультет, включавший кафедру истории. Она и стала базой для создания кафедры Всеобщей истории и кафедры истории СССР.

На первых порах кафедра испытывала значительные сложности. Не хватало помещений, специалистов, опыта. Но уже к концу 30-х гг., завершается формирование структуры. Исторический факультет Университета, в это время, пользовался преимущественно работниками педагогического институт.

В 1938 г. заведующим кафедрой становится Николай Паулинович Руткевич. В этом же году выходит в свет первый номер Ученых Записок СГПИ, полностью сформированные кафедры Всеобщей истории и истории СССР.

Среди преподавателей кафедры было много настоящих профессионалов: Н. Е. Застенкер, Е. Г. Мохов, Н. П. Руткевич, Е. Г. Суров, М. Е. Сюзюмов, А. Ф. Фунтов, З. М. Ципкина, А. А. Янко-Триницкая и др.

Великая Отечественная Война многое изменила и нарушила. Пересматривается вся деятельность кафедры. В учебные курсы вводится больше материала, посвященного отношениям с Германией, сопротивлению захватчикам. Читается много лекций в воинских частях и госпиталях. Только за август 1941 – январь 1942 гг. Руткевич выступил с 68 лекциями. Интересам военного времени подчи-